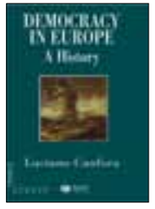
Триумф свободы?

Дилан Рейли



Luciano Canfora. *Democracy in Europe: A History of an Ideology*. Oxford: Blackwell, 2006. 248 p.[1]

Книга Лучано Канфоры «Демократия в Европе» представляет собой неприкрытую атаку как на ортодоксальное мышление, так и на европейское самодовольство. Неудивительно, что она спровоцировала резкую ответную реакцию. Книга первоначально писалась на заказ для мультинациональной серии «Создание Европы» под редакцией французского историка Жака Ле Гоффа, наряду с «Европейским ренессансом» Питера Берка, «Европейской семьей» Джека Гуди, «Европейскими революциями» Чарльза Тилли и работами других известных авторов, которые предполагалось выпустить на пяти языках в ведущих европейских издательствах: британском *Blackwell*, французском *Seuil*, испанском *Critica*, итальянском *Laterza* и немецком *Beck*. Однако редакторы *Beck* наотрез отказались издавать книгу Канфоры, очевидно, из-за возмущенного читательского отзыва историка Ханса-Ульриха Велера, типичнейшего представителя правоверного образа мысли. Велер объявил «Демократию в Европе» «не чем иным, как коммунистическим памфлетом, превосходящим в своей догматической тупости даже продукцию ГДР» — абсурдное заявление, принимая во внимание безапелляционно неортодоксальный подход Канфоры.

Но самым поразительным в истеричной реакции немцев является полная неспособность воспринять изложенную в книге концепцию демократии, сравнительную архитектуру работы и ее общую структурную целостность. Соответственно, реакция на «Демократию в Европе» оказалась удивительно однобокой: книга породила массу отзывов, но ее ключевые тезисы практически никто не разбирал. И это плохо, потому что интерпретация демократии в изложении Канфоры, тщательно обоснованная с исторической точки зрения, являет собой полезную коррективу к стандартным взглядам. В то же время проблемы, связанные с его аргументацией, касаются вопросов, имеющих громадное интеллектуальное и политическое значение, в том числе и для представителей левых взглядов.

Dylan Riley. Freedom's Triumph? *New Left Review*. No. 56. March–April 2009. P. 43–59. Сокращенный перевод с английского Николая Эдельмана

[1] Лучано Канфора. Демократия в Европе: история идеологии.

Очевидно, одним из препятствий к полному пониманию книги Канфоры является сама ее структура. «Демократия в Европе» — это 250 страниц плотного, живого и полемичного текста, сочетающего исторический обзор временного промежутка от Афин V века до н. э. до Италии при Берлускони с его интерпретациями при полном пренебрежении к традиционным сравнительным схемам.

По мнению Канфоры, современные европейские правительства по сути являются олигархическими режимами, которые работают под прикрытием электоральной машины, призванной узаконить власть элиты при одновременном лишении антисистемных меньшинств всяких прав за счет привилегированного положения исполнительной власти, мажоритарных механизмов — включающих в себя мажоритарные избирательные системы, одномандатные избирательные округа и т. д., — контроля над СМИ и неприкрытого насилия. К концу этого живого, захватывающего текста многих читателей может посетить ощущение, что их подвергли литературно-исторической порке.

Оценку книги следует начать с разбора ключевого термина, на который завязан анализ Канфоры: с демократии. Что автор имеет в виду под демократией? Читатели придут в замешательство, столкнувшись в прологе с вдохновенным восхвалением роли Гарибальди как народного диктатора и революционного демократа; далее Канфора отмечает, что в греческом политическом языке римского периода термин *demokratia* и его производное — *demokrator* — могли означать «власть *над* народом». Так, «Аппиан пишет о конфликте между Цезарем и Помпеем, что оба они стремились „установить *demokratia*“», в то время как Сулла, предшественник Цезаря в качестве правителя Римской республики, называется в другом месте «демократором», то есть по сути диктатором. Такое «неприятное сходство» обеих терминов, по мнению Канфоры, призывает нас выйти за рамки общепринятой доктрины и вспомнить признаки тех классов, которые составляют фундамент политических систем; *kratos*, напоминает он нам, означает «насильственное проявление власти». В Афинах термин «демократия» использовался *противниками* власти *демоса* «именно с целью подчеркнуть ее насильственный характер» и «чрезмерность власти, полученной классами, не имеющими собственности, в рамках демократического режима». В первой главе Канфора приводит поразительное толкование хвалебных слов Перикла об афинской политической системе, содержавшихся в его знаменитой «Надгробной речи». Чуждый тому самодовольству, с каким обычно искажаются эти слова — в том числе и в преамбуле к проекту Европейской конституции 2003 года, — Канфора усматривает в пересказе Фукидида акт скрытого дистанцирования: Перикл объясняет, что хотя слово «демократия» используется для описания системы городского управления, осуществляемого большинством, а не меньшинством, частная жизнь афинян, по сути, остается «свободной». «Мы можем интерпретировать эти слова как нам угодно, — пишет Канфора, — однако суть их в том, что Перикл противопоставляет „демократию“ и „свободу“ как две антитезы».

Исчерпывающее объяснение этого термина дается в предпоследней главе книги, «На пути к „смешанной системе“». По словам Канфоры,

> Демократия… несомненно, является нестабильным феноменом: временным возвышением бедных классов в ходе бесконечной борьбы за равенство — понятие, которое с течением времени расширяется, включая все более новые и все более сильно оспариваемые «права».

Таким образом, с точки зрения итальянского филолога, демократия — это не конституционная или политическая система, а изменение — в историческом плане краткосрочное — распределения социальной власти: «разновидность отношений между социальными классами», представляющая собой «уклон в сторону „возвышения демоса“». Важнейшая цель демократии — материальное равенство. В интервью, которое Канфора дал в 2007 году *Tageszeitung*, он объясняет, что его идея созвучна взглядам Аристотеля: «Демократия — это правление [*Herrschaft*] неимущих, олигархия — это правление богатых». Соответственно история демократии должна включать в себя не только исследование конституционных или политических систем, но и случаев прихода народа к власти, быстро нивелируемого антидемократическими силами.

Как ни странно, корни этого внешне радикального толкования восходят к самой жесткой критике данной политической системы. Представления Канфоры о демократии во многом вдохновляются трудами антиэгалитарных и антидемократических мыслителей. Это вполне заметно уже по его рассказу о зарождении этого термина в антидемократических высших классах античной Греции. Однако, помимо этого, Канфора находится под сильным влиянием специфической итальянской традиции элитистской политической теории, в частности, под влиянием работ Гаэтано Моски, «великого аналитика тех сил, что действуют в обществе». Вслед за Моской Канфора понимает современную демократию главным образом как набор беспочвенных идеологических претензий. В этом смысле либерально-капиталистиче-

Николай Гришин. Перед походом. Из серии «В яхтклубе». 1950

> Либерально-капиталистические общества являются антидемократическими вследствие присущего им глубокого неравенства, а их «демократия» — это политическая формула, применяемая для оправдания власти элиты

ские общества однозначно являются антидемократическими вследствие присущего им глубокого неравенства, а их «демократия» — это, по сути, политическая формула, применяемая для оправдания власти элиты. С точки зрения Канфоры, «революция 1789 года являлась матрицей, определившей всю последующую историю Европы»; но ее последствия отнюдь не отличались однозначностью. Применение выборов и парламентов как механизмов управления вскоре оказалось оторвано от сущности демократии как равенства, а европейские режимы стали использовать всеобщее избирательное право — этот классический механизм демократии — для узаконения власти элиты. Концепция всеобщего избирательного права впервые была зафиксирована в робеспьеровской конституции 1793 года, которая отменяла непрямое голосование и какие бы то ни было избирательные цензы. (Канфора пренебрегает предыдущими английскими и американскими экспериментами с избирательным правом вследствие присущих им расовых и религиозных ограничений, в отличие от якобинского Конвента, который отменил рабство). Термидор сразу же покончил с этой попыткой. С того момента все последующие конституции «содержали серьезные ограничения права голоса» вплоть до революции 1848 года.

Однако демократический прорыв 1848 года привел к парадоксальным результатам. Состоявшиеся во Франции в апреле того года выборы — первые в Европе выборы по принципу всеобщего избирательного права — имели своим следствием «умеренное» Национальное собрание, которое вскоре приняло меры по снижению жизненного уровня рабочих и потопило их июньское восстание в крови. Затем Луи Наполеон одержал полную победу на выборах в декабре 1848 года. Канфора приводит следующее язвительное определение бонапартизма: «демагогическая, соблазнительная, почти непреодолимая классовая инклюзивность, нацеленная на менее политизированные массы, но в то же время прочно опирающаяся на отношения взаимопомощи с классами собственников». В его глазах дядя почти ничем не отличался от племянника: оба являли собой воплощение реакции в «современных, псевдореволюционных формах».

Победа Луи Наполеона стала образцом для остальной Европы. «Второй император французов, — пишет Канфора, — научил буржуазную Европу не бояться всеобщего избирательного права, а поставить его себе

Создание системы электорального представительства, отнюдь не свидетельствуя о перераспределении власти в пользу бедных классов, служит самым верным знаком того, что такого перераспределения не произошло

на службу». Короче говоря, парламентское правление в Европу принесла не Французская революция, а революция, выхолощенная бонапартизмом. По Канфоре, важнейшее новшество, внедренное Луи Наполеоном, состояло в демонстрации того, как манипулировать всеобщим избирательным правом с помощью изменений границ, одномандатных округов, политического давления со стороны префектов и губернаторов, помощи со стороны прессы и прочих мер, обеспечивающих избрание местных нотаблей. При соответствующем контроле всеобщее избирательное право могло стать полезным орудием для укрепления власти собственников.

В поддержку своей точки зрения Канфора приводит множество исторических примеров. Во-первых, там, где существовало всеобщее избирательное право, всегда присутствовали иные механизмы, гарантирующие, что мощный рабочий класс не создаст угрозу существующему порядку путем смены политической власти в ходе выборов. Одним из таких средств было насилие: во Франции им стало безжалостное уничтожение Парижской коммуны. Германская империя не испытывала особой нужды в откровенных репрессиях благодаря засилью милитаризма — последствиям муштры — и ограниченным полномочиям парламента. В Италии и в Великобритании, где относительно сильные парламенты сосуществовали с организованным рабочим движением, подкуп избирателей и ограниченное избирательное право, или недемократичная мажоритарная система, просуществовали значительную часть XX века.

Таким образом, создание системы электорального представительства, отнюдь не свидетельствуя о перераспределении власти в пользу бедных классов, возможно, служит самым верным знаком того, что такого перераспределения не произошло. Это подчеркивается наклонностями тех политиков, которые ввели избирательное право: Бисмарка в Германии, Джолитти в Италии — где расширение права голоса способствовало укреплению слабого и изолированного политического класса, — а также Дизраэли в Британии, хотя в данной книге о нем не говорится. Все эти фигуры явно соответствуют бонапартовскому образцу «сильного лидера», опирающегося на электоральный консенсус. Все они даровали народу всеобщее избирательное право с явно недемократическими — в том смысле, какой используется у Канфоры — намерениями.

Далее анализ переходит к периоду «Европейской гражданской войны» 1914–1945 годов, интерпретируемому как трехсторонняя борьба между социализмом, фашизмом и «третьим элементом» — либеральной демократией. Канфора безоговорочно возлагает на последнюю ответственность за развязывание Первой мировой войны: «Поскольку все до единого государства, сцепившиеся в том памятном августе, обладали парламентскими режимами, можно уверенно утверждать, что „третьему элементу“ принадлежит сомнительная, но однозначная честь превращения XX века в ад». Первая мировая война привела, по словам Канфоры, ко «второму краху всеобщего избирательного права»; однако сразу же после ее завершения в декабре 1918 года Италия увидела первые настоящие всеобщие выборы, а в Германии новое законодательное собрание было созвано в январе 1919 года.

Впрочем, вместо создания реальной демократии — то есть приведения неимущих к власти — всеобщее

избирательное право в обоих случаях закончилось фашизмом: «те классы, которые поддерживали парламентские партии», постепенно «утратили веру в „парламентскую демократию“ и предпочли ей фашизм». Это возражение бонапартистской формулы, еще более смертоносное, чем когда-либо прежде, имело очень серьезные последствия. Оно не только привело к разгрому движений за истинную демократию в Германии, Италии и Испании; Канфора утверждает, что и Советский Союз — где в ноябре 1917 года прошли выборы в Учредительное собрание и где первоначально возник советский вариант многопартийной демократии, — в итоге подвергся такому давлению, которое исказило развитие этой страны при моральном и материальном сообщничестве уцелевших либеральных демократий Запада.

Последствия «европейской гражданской войны» в значительной степени определялись явлением, которое Канфора называет «антифашизмом», понимая его как политическое движение, стремившееся выйти за рамки прежних парламентских режимов и исправить недостатки либерализма, «которому фашизм в первую очередь обязан своим рождением». Таким образом, антифашизм одновременно представлял собой борьбу за реальную демократию в Европе, которая привела к появлению как государств всеобщего благосостояния, так и народных демократий послевоенного периода. Канфора указывает, что важную роль при этом сыграл советский пример: «антифашистские» конституции Италии (1948) и Германии (1949) якобы включали в себя элементы, позаимствованные из советской конституции 1936 года — формально образцового юридического конструкта, опороченного, однако, «большим террором» и показательными процессами. Так, согласно Статье 3 итальянской конституции в республике должны быть устранены все «экономические и социальные препятствия, которые, ограничивая фактическую свободу и равенство граждан, мешают полному развитию человеческой личности и эффективному участию всех трудящихся в политической, экономической и социальной организации страны». Кроме того, роль антифашизма в освобождении стран Центральной и Восточной Европы в какой-то мере обеспечила, по словам Канфоры, их послевоенным правительствам реальную массовую поддержку.

Но век «антифашистской демократии» тоже оказался недолгим; «смешанная система», консолидировавшись, вскоре перешла в наступление. Образцом для этой формы правления стала Пятая республика де Голля, важным новшеством которой являлось восстановление мажоритарной системы, направленной на устранение французской компартии как реальной политической альтернативы. К концу XX века смешанная система покончила с прогрессивными демократиями на всем континенте. Она усилила исполнительную власть, подорвала пропорциональное представительство и способствовала отбору политиков по критерию богатства, обеспечивая неподотчетность правления олигархов законодательному контролю. Таким образом, демократия на своей европейской родине свелась к электоральному узаконению власти элиты. Как пишет Канфора,

Постскриптумом послужила победа — обещающая оказаться долговечной — того, что греки называли «смешанным строем», когда «„народ“ выражает свои взгляды, но реальный вес имеет лишь класс собственников». Выражаясь более современным языком, это победа динамичной олигархии, опирающейся на огромное богатство, но способной обеспечить консенсус и узаконить свою власть посредством выборов благодаря тому, что электоральные механизмы находятся под ее контролем.

Результатом стало поражение демократии в реальном смысле слова и победа ее противоположности в понимании Перикла — свободы. Разумеется, свободы не для всех, «а для тех, кто оказался „сильнее“ в конкурентной борьбе, будь то нации, религии или отдельные личности» — поскольку «любое обязательство, благоприятствующее „слабым“, как раз и ограничивает свободу всех остальных». У авторов преамбулы к Европейской конституции, цитировавших «Надгробную речь», непроизвольно вырвался не «образец высокопарной риторики, а то, что *в самом деле* требовалось сказать: что свобода победила — в мире богатых — со всеми ужасными последствиями, которые эта победа принесла — и продолжит приносить — всем остальным». Демократия, отложенная до какой-либо грядущей эпохи — будет создаваться снова и снова, хотя, как добавляет Канфора, возможно, не европейцами. ■

ЛУЧАНО КАНФОРА — ПРОФЕССОР КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ УНИВЕРСИТЕТА БАРИ (ИТАЛИЯ); КРУПНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОСТИ, А ТАКЖЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ И XX СТОЛЕТИЯ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Demagogia. Palermo: Sellerio 1993 (Демагогия).

Cesare, il dittatore democratico. Roma-Bari: Laterza, 2000 (Цезарь, демократический диктатор).

Storici e storia. Torino: Aragno, 2003 (Историки и история).

Filologia e libertà. Milano: Mondadori, 2008 (Филология и свобода).